

С.И. Лиман, С.Б. Сорочан
(Харьков)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИМПЕРАТОРА ЮСТИНИАНА I В ОЦЕНКАХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ УКРАИНСКИХ ЗЕМЕЛЬ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1804-1885 гг.)

Император Юстинин Первый! Едва ли какой-либо иной византийский правитель более знаком нашим современникам, чем он. Увековеченный Ра-веннской мозаикой и Прокопием Кесарийским, он неотделим в нашем сознании от того великого, бурного и противоречивого времени, когда переживавшее расцвет церковное зодчество прославило себя Святой Софией, а императрица Феодора – фразой «Порфира – лучший саван!», брошенной Юстиниану в его бледное, растерянное лицо. Гендерные проблемы в отдельно взятой семье и попытки возрождения в христанском облике величайшей из Империй мира, блестящие триумфы ромейских армий и начавшийся демографический спад, над-рыв, обнищание народа, платившего слишком дорогую цену за чуму, войны в трёх частях света и на двух материках, «многопартийность» (пусть и «партий» ипподрома) и кровь димотов, пролитая за неё на арене, увлажнённой до этого лишь потом лошадей – все эти ценные трофеи исторической памяти достались от тех времён, которые принято называть Эпохой Юстиниана.

Интерес к истории правления Юстиниана возник в Российской империи довольно рано, уже в начальную эпоху отечественного византиноведения, на рубеже XVIII-XIX вв. В отечественной византинистике этого времени и не-скольких последующих десятилетий нашли своё отражение многие вопросы общественно-политического развития самой России. Эпоха Юстиниана была

одновременно объектом подражания и предостережением, а культурная и конфессиональная близость двух империй лишь усиливала желание поиска аналогий. Указанные тенденции общероссийской византистики были в полной мере характерны и для её развития в отдельных регионах империи. Одним из таких регионов с богатыми, самостоятельными научными традициями была Украина. Между тем вплоть до настоящего времени в отечественной историографии отсутствует специальная работа, посвящённая истории изучения учёными украинских земель деятельности отдельных византийских императоров, в том числе Юстиниана. Узкие рамки юбилейной статьи А.И.Митряева, Ю.А.Голубкина, С.И.Лимана «Медиевистика в Харьковском университете» позволили лишь в самом сжатом виде показать вклад В.К.Надлера в изучение им борьбы партий цирка в правление Юстиниана¹. Краткое упоминание А.А.Чекаловой в работе «Константинополь в VI в. Восстание Ника» о вкладе В.К.Надлера в изучение данной проблемы нуждается в дополнительных и более развёрнутых разъяснениях². Оценка харьковскими учёными XIX в., в том числе И.М.Тимковским, М.М.Луниным, В.К.Надлером, отдельных сторон деятельности Юстиниана частично содержится в статье С.И.Лимана и С.Б.Сорочана «Византийская империя в трудах историков Харьковского университета (1804-1885)»³.

Таким образом, предлагаемая статья призвана заполнить существующий пробел в историографии Византии и показать историю изучения правления Юстиниана I учёными Украины от открытия в 1804 г. Харьковского университета до середины 1880-х гг. Этот период составляет особый этап в истории медиевистики в украинских землях Российской империи и рассматривается в рамках большой темы: «Средневековая Западная цивилизация и Восточно-православный мир: общее и особенное (опыт исследования в Украине в 1804-1885 гг.)».

Первые работы, посвящённые правлению Юстиниана, были созданы в Харьковском университете уже в начальный период его существования. Наиболее ранней по времени создания следует считать работу профессора юриспруденции И.Ф.Тимковского (1772/73-1853) «Сравнение Юстиниановых законов с российскими» (1808 г.), которая, к сожалению, не сохранилась. Биограф

¹ Митряев А.И., Голубкин Ю.А., Лиман С.И. Медиевистика в Харьковском университете // Вестник Харьковского университета. 1991. Вып. 24. С. 77-78.

² Чекалова А.А. Константинополь в VI в. Восстание Ника. СПб., 1997. С. 8.

³ Лиман С.И., Сорочан С.Б. Византийская империя в трудах историков Харьковского университета (1804-1885 гг.) // Східний світ. 2006. №1. С. 71-72, 81-83.

И.Ф.Тимковского, Н.В.Шугуров, перечисляя его научные труды, написал по этому поводу следующее: «Кроме того, в бумагах Тимковского есть указание на написанное им в это же время (1808 г. – С.Л. С.С.) на латинском языке сочинение «Сравнение Юстиниановых законов с российскими», за которое Геттингенское учёное общество в 1809 г. избрало Тимковского в свои члены; когда и где было издано это сочинение – нам не известно»⁴. Подобная оценка работы харьковского учёного вполне позволяет говорить о её высоком научном уровне. Главные её выводы, скорее всего, легли в основу сохранившейся речи И.Ф. Тимковского «О применении знаний к состоянию и цели государства» (1808 г.). «Если бы европейцы, – задавался вопросом харьковский учёный, – не ввели у себя римского права, Юстинианом уложенного, что были бы по сие время собственные их уставы, судопроизводство и зависящие от них дела правления?»⁵. Прибавим к этому, что рассмотренная И.Ф. Тимковским тема влияния законодательства Юстиниана на отечественное и западноевропейское право во многом предопределила одно из направлений научных разработок отечественных византиноведов.

Уже в актовой речи харьковского адъюнкта философии И.М.Ланга «Об изучении юридических и политических наук» (1810 г.) отмечалось огромное влияние во всемирной истории римско-византийского права. И.М. Ланг особо подчеркнул роль византийского императора Юстиниана I в кодификации этого права, у истоков которого, по его верному мнению, стояли римские юристы. «Всяк исполняется благоговения к сей законодательной мудрости, – указывал учёный. – Трон Римского владычества был ниспровержен, но победители подвергли себя законам побеждённых»⁶. С И.М.Лангом будут солидарны и адъюнкты Харьковского университета 20-30-х. годов К.Михайловский и Г.Гордеенков. В «Речи о начале и происхождении Российского законодательства» (1823) К. Михайловский отмечал, что расселение славян на Балканах с эпохи Юстиниана способствовало заимствованию ими римско-византийского пра-

⁴ Шугуров Н.В. Илья Фёдорович Тимковский, педагог нашего времени // Киевская старина. 1891. №9. С. 406.

⁵ Тимковский И. О применении знаний к состоянию и цели государства // Речи, говоренные в торжественном годовом собрании Харьковского университета 17 января 1808г. Харьков, 1808. С.23.

⁶ Ланг И.М. Об изучении юридических и политических наук // Речи, говоренные в торжественном собрании Харьковского университета 30 июня 1810 г. Харьков, 1810. С. 98-99.

ва⁷. Г.Гордеенков в речи «О законодательном достоинстве Свода Законов Российской империи» (1835) в числе величайших законодателей всемирной истории называл Юстиниана, а в числе величайших правовых памятников – «превосходный», «славный Юстинианов Свод (*Corpus juris*)», что весьма близко к оценкам некоторых современных историков⁸.

Правление Юстиниана в первые десятилетия XIX в. рассматривалось в контексте других византиноведческих проблем. В этом контексте следует подчеркнуть, что существенное воздействие на создание отечественных концепций византийской истории стало оказывать и все более осваиваемое многотомное сочинение авторитетного английского исследователя Э.Гиббона «История упадка и гибели Римской империи» (1788 г.). Его попытка, к слову, мастерски выполненная, представить историю Византии как период тысячелетнего разложения и регресса получила распространение в курсах лекций и учебной литературе университетов Украины. В этой связи становится понятно, почему в курсе лекций по истории средних веков известного и весьма талантливого, рано умершего харьковского историка М.М.Лунина, дошедших до нас в рукописи, полностью отсутствуют темы по истории Византии. Поразительно, но даже о величайших византийских завоеваниях Юстиниана М.М.Лунин говорит лишь в контексте тех войн, которые вели в VI в. новосозданные Вandalское и Остготское королевства, то есть германцы, а не ромеи. Назвав автократорство Юстиниана I «знаменитым»⁹, учёный в то же время считал показательным самостоятельность полководца Велисария, который отказался подписать договор, предложенный императором остготам, и добился в 539 г. сдачи Равенны. Что же касается захвата византийцами Италии, то, по однозначному мнению М.М.Лунина, «...новая провинция не могла процветать под тяжестью Восточного деспотизма; притом безвременное вмешательство Юстиниана в церковные дела увеличило народное недовольство»¹⁰. Очевидно, что признать правление

⁷ Михайловский К. Речь о начале и происхождении Российского законодательства // Речи, произнесённые в торжественном собрании Харьковского университета 30 августа 1823 г. Харьков, 1823. С. 18, 23, 25.

⁸ Гордеенков Г. О законодательном достоинстве Свода Законов Российской империи // Речи, произнесённые в торжественном собрании императорского Харьковского университета 30 августа 1835 г. Харьков, 1835. С. 2, 6, 19; ср.: Бейкер Д. Юстиниан. Великий законодатель. М., 2004.

⁹ Лунин М.М. Лекции по истории средних веков (Б.г.). – Отдел рукописей Центральной научной библиотеки Харьковского национального университета. Ед. хр. 505/с. Тетрадь 23. Л. 12.

¹⁰ Там же. Тетрадь 26. Л. 2. Ср.: Gibbon E. The History of the Decline and Fall of the Roman Empire. London, 1814. Vol. 5; Удальцова З.В. Прагматическая санкция Юстиниана об устройстве Италии // Советская археология. 1957. Т.28. С.318-326; Удальцова З.В. Политика византий-

Юстиниана «золотым веком», как это будут делать впоследствии известные, крупные византинисты, харьковский профессор не желал и имел на это основания¹¹. В целом, вывод о реставраторской политике Юстиниана в Италии был верен, но вместе с тем явный прогиббоновский антивизантинизм М.М.Лунина очевиден.

Отметим, что другим полюсом притяжения для византиноведов тех лет вскоре станет фундаментальное исследование английского медиевиста Д. Финлея «История Византийской и Греческой империй с 716 по 1453 г.» (1854 г.). Д.Финлею суждено было стать, по сути, первым крупным византинистом европейского масштаба, который аргументированно оспорил концепцию историков Просвещения, в том числе Э.Гиббона, о тысячелетнем упадке Византии. Но и помимо влияния Д.Финлея, и до и после него, в отечественной византистике с каждым новым десятилетием всё более приобретало остроту стремление одних учёных – доказать, а других – как можно убедительнее оспорить утверждения Э.Гиббона, в том числе на ярком примере государственной деятельности Юстиниана.

Различие подобных трактовок оборачивалась иногда очевидной противоречивостью суждений в трудах отдельных учёных. Её обнаружил, в частности, выпускник историко-филологического факультета Киевского университета А.К.Завадский-Краснопольский в своей научно-популярной работе «Влияние греко-византийской культуры на развитие цивилизации в Европе» (1866) Общая концепция автора приходила порой в противоречие с некоторыми из его же выводов. «Перечитывая историю Византии, – отмечал А.К.Завадский в духе Гиббона, – мы видим, что тот же недуг, который привёл к падению западной империи, развился и здесь; только язвы, причиняемые им, были гораздо тяжелее язв, уничтоживших запад». Среди этих губительных «язв» автор выделял «бездарность и жестокость деспотов», «угнетённое состояние народа», религиозные противоречия, внутреннюю борьбу, внешние вторжения¹². Столь унылая, полная безысходности картина, отказывавшая в уме и энергии ромеям, казалось бы, если и не перечёркивала, то минимизировала возможности византийцев пе-

ского правительства в завоёванной Италии и результаты византийского завоевания // Вестник МГУ. Историко-филологическая серия. 1958. №3. С. 23-27; *Удальцова З.В.* Италия и Византия в VI в. М., 1959. С. 439-494.

¹¹ *Grabar A.* L'âge d'or de Justinien. Paris. 1966.

¹² *Завадский-Краснопольский А.К.* Влияние греко-византийской культуры на развитие цивилизации в Европе. К., 1866. С. 41-42.

¹³ Там же. С. 91.

ресадить на чужую почву плоды своей культуры и желание европейцев развить у себя подражательный рефлекс. Однако в сочинении А.К.Завадского оказалась представлена совсем иная картина: «больная», «изъявленная» Византия активно распространяет своё, отнюдь не пагубное, влияние на соседей. Там же, где Византия не могла влиять на другие страны в конфессиональной области (например, на Западе), она, по словам автора, делала это посредством византийско-римского законодательства, в кодификации которого А.К.Завадский видел славу Юстиниана, которому отводил решающую, едва ли не мессианскую роль. В связи с этим, по мнению автора, в Византии «со смертью Юстиниана останавливается развитие законодательства». «При составлении кодекса Юстиниана юристы выпускали всё, напоминавшее собою принципы древней римской свободы, а оставляли только то, что было сообразно с новыми понятиями о правах государя. Оттого-то введение римского права между германцами было чрезвычайно важно в научном отношении, в политическом же — имело самые гибельные последствия»¹³. Тем самым, автор верно не настаивал на резком отчуждении греческого и латинского миров, на отсутствии между ними какого-либо взаимообогащения, что подчеркивается и современными историками¹⁴, но излишне абсолютизировал правотворческую деятельность императора, забывая о том, что на самих современников она не произвела особого впечатления, да и развивалась в последующих кодексах, таких как Эклога, Эпанагога, Василики, Прохирон.

К числу работ, непосредственно посвящённых истории Юстиниана, принадлежал очерк одесского историка Р.В.Орбинского «Византийские женщины» (1859). Написанный на основе данных многочисленных нарративных источников, в том числе таких значительных, как Прокопий, Феофан, этот очерк, по замыслу автора, должен был быть посвящён жене Юстиниана I, августе Феодоре, и жене прославленного византийского полководца Велисария, Антонине. По сути же читателям «Южного сборника» учёный вместо двух представил сразу четыре портрета — наряду с похождениями Феодоры и Антонины Р.В.Орбинский остановился также на биографиях их мужей.

Автор явно находился под влиянием гиббоновских идей и говорил о Византийской империи, как о «чумном, отравленном до самого основания теле».

¹³ Там же. С. 91.

¹⁴ Уколова В.И., Бородин О.Р. Византия и Запад: культурные отношения в VII-XII вв. // Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики. СПб. 1999. С.105-139.

Представить «краткий эпизод из истории этого разложения» – так тенденциозно определял он цель своего очерка. Однако, несмотря на то что скандальные, подчас анекдотичные, перипетии жизни Феодоры и Антонины, бывших одно время подругами, как нельзя более попадали под определение «разложение», учёный критически подходил к сведениям Прокопия Кесарийского, в своем тайном псогосе обвинявшего Феодору в разврате ещё с детских лет. «Двуличность и ненадёжность его (Прокопия. - С.Л., С.С), как исторического свидетеля, – возражал учёный, – высказывается в слишком многих противуречиях, чтобы не могли ему противопоставить отрядного в этом случае сомнения»¹⁵.

Собственное критическое прочтение византийских источников и соответствующая корректировка содержащихся в них сведений позволили Р.В. Орбинскому говорить о Юстиниане, как о правителе, в котором было мало твёрдости и который легко подчинялся чужому влиянию. По этой причине доминирующую роль в истории ромейской монархии эпохи Юстиниана учёный отводил именно Феодоре: «Можно сказать, что пока она оставалась в живых, в ней находился центр тяжести Византийского правления», а «во всех замечательных распоряжениях Юстиниана она является славным действующим лицом»¹⁶. Современным исследователям в Юстиниане видится несколько иной политический типаж первого лица империи, гораздо более своевольный, целеустремленно умевший добиваться решения конкретных задач, но в отношении Феодоры и ее многостороннего влияния на имперскую политику вплоть до смерти, последовавшей от рака в 548 г., сомнений практически нет¹⁷.

Несмотря на изнурительные внешние войны и волну варварских нашествий, внутреннюю опасность для империи и для самой императорской четы Р.В. Орбинский всё же считал преобладающей. Он был недалек от истины, когда писал: «При господствующем образе мыслей и склонностях Византийского народа самые важные затруднения могли возникнуть из богословских споров... К вопросу о вере в Византийской империи примыкало всё остальное... Не меч Амру и Омара отторг от Византии лучшие провинции – Сирию и Египет, а не

¹⁵ Орбинский Р.В. Византийские женщины // Южный сборник, издаваемый Н. Максимовым. 1859. №3. С.169.

¹⁶ Там же. С. 175-176.

¹⁷ Grabar A. L'âge d'or de Justinien. Paris. 1966; Browning R. Justinian and Theodora. 2nd ed. London. 1975; Райс Т.Т. Византия. Быт. Религия. Культура. М., 2006. С.34; Шейнз Ж.-К. История Византии. М., 2006. С.37-53.

довольство монофизитов господством православия»¹⁸. В самом же Константинополе источником опасности для власти Юстиниана Р.В.Орбинский считал партии или факции болельщиков цирка, ипподрома. При этом, автор нисколько не сомневался в их важном политическом, «конституционном» и религиозном значении.

Здесь мы сталкиваемся с вопросом, который продолжает оставаться дискуссионным и в современной византистике. Так, британский исследователь А.Камерон считал цирковые димы не партиями, а лишь клубами спортивных фанатов, таким образом, отказывая им в какой бы то ни было роли в социально-политической истории Византии¹⁹. Подобную точку зрения полностью отвергает А.А.Чекалова. В своей монографии «Константинополь в VI в. Восстание Ника» она утверждает, что партии цирка были «важным фактором в социально-политической жизни византийского города»²⁰. И хотя Р.В.Орбинский не акцентировал внимания на социальном и конфессиональном составе членов цирковых группировок в правление Юстиниана, в целом, его точка зрения на ранне-византийские димы как на действенные, долгие сохранявшие свое влияние религиозно-политические организации, может считаться вполне традиционной, более того, выдержавшей проверку временем²¹.

Более существенные расхождения у А.А.Чекаловой с Р.В.Орбинским обнаруживаются в другом: нигде в монографии российской византистки, за исключением знаменитой речи императрицы во время восстания никатов, мы не встречаем указаний на то, что Феодора, юридически не будучи соправительницей, на деле управляла своим мужем. В то же время и у Р.В.Орбинского, и у А.А.Чекаловой содержится вполне одинаковая оценка гибкой политики убежденного сторонника решений Халкидонского собора – Юстиниана в отношении монофизитов, которым и открыто, и скрыто покровительствовала Феодора²². Эта точка зрения расходится с представлениями историков, считающих ком-

¹⁸ Орбинский Р.В. Византийские женщины... С.176, 178-179; Frend W.H.C. The Rise of the Monophysite Movement. Cambridge. 1972.

¹⁹ Cameron A.I. Circus Factions. Blues and Greens at Rome and Byzantium. Oxford, 1976. P. 1-3.

²⁰ Чекалова А.А. Константинополь в VI в. Восстание Ника... С. 152.

²¹ Manojilovic G. Le peuple du Constantinople de 400 a 800 apres J.S. // Byzantion. 1936. Vol. 11. Fask. 2. P.617-716; Jarry J. Heresies et factions a Constantinople du Ve an VIIe siecle // Syria. Paris, 1960. T.37. Fask. 3-4. P.348-371; Vryonis Sp. Byzantine DHMOKRATIA and the Guilds in the Eleventh Century // DOP. 1963. № 17. P. 287-314; Удальцова З.В. Византийская культура. М., 1988. С.30-33.

²² Орбинский Р.В. Византийские женщины... №4. С.209; Чекалова А.А. Константинополь в VI в... С. 177.

промиссные действия императора на религиозной почве исключительно неэффективными, а все усилия по водворению единства в Церкви – бесплодными²³.

И всё же, несмотря на стремление очистить сомнительную репутацию Феодоры от некоторых свидетельств её современников и показать её в ряде случаев менее порочной, чем Антонину, Р.В. Орбинский сделал по результатам подавления восстания Ника в целом неутешительный категоричный вывод в отношении всего правления императорской четы: «Общество, терпевшее во главе своей женщину, подобную Феодоре, было лишено возможности развивать сильные и вместе с тем благородные характеры»²⁴. Иные женские типажи не были приняты во внимание в этом одностороннем не столько историческом, сколько морально-этическом заключении, больше похожем на приговор всей Византийской империи вообще и эпохе Юстиниана в частности.

Истории автократства Юстиниана частично касался в своём плодотворном научном творчестве профессор Киевской духовной академии и одновременно Киевского университета Св. Владимира Ф.А.Терновский. Его главными трудами стали докторская диссертация «Изучение византийской истории и её тенденциозное приложение в Древней Руси» (1875) и обширное сочинение «Греко-восточная церковь в период вселенских соборов» (1883).

Докторская диссертация Ф.А.Терновского представляла собой капитальное источниковедческое исследование ряда византийских авторов, чьи хроники, как доказал в своё время уже А.Попов в «Обзоре хронографов русской редакции», легли в основу большинства отечественных хронографов. Важность подобного обращения к ромейским подлинникам, ставшим основой «славянской компиляции», Ф.А.Терновский видел, прежде всего, в том, что «из всей массы всемирно-исторического материала, доступного для наших предков, история Византии представлялась наиболее пригодной для практического приложения, для заимствования справок и примеров в нужных случаях»²⁵. Практическая необходимость жителей Руси «...ссылаться на историю, чтобы дать направление общественному мнению относительно тех или других явлений современности»²⁶, одним из своих героев сделала и Юстиниана.

²³ Рансимен С. Восточная схизма. Византийская теократия. М., 1998. С.165-167; Шейнз Ж.-К. История Византии. С.50-51.

²⁴ Орбинский Р.В. Византийские женщины... С. 216.

²⁵ Терновский Ф. Изучение византийской истории и её тенденциозное приложение в Древней Руси. К., 1875. Вып.1. С.2.

²⁶ Там же. С.1.

В докторской диссертации Ф.А.Терновского император предстаёт перед нами дважды. Оба раза с разной степенью обширности материала о его правлении Юстиниан фигурирует при разборе сочинений сирийца Иоанна Малалы и Георгия Амартола. Ф.А.Терновский не очень скупулёзен в выяснении точного времени жизни и деятельности Иоанна Малалы. Учёный определял это лишь приблизительно: Иоанн Малала «...жил – надо полагать – в VI в., при императоре Юстиниане, царствованием которого заканчивает свою летопись, описывая последние события с живым чувством очевидца»²⁷. Сказанное о «последних событиях» действительно соответствует 563 г., но более детальных уточнений на эту тему киевский ученый не сделал: они появятся лишь в 1892 г., благодаря источниковедческим стараниям Э.Брукса, а известные ныне даты жизни Малалы (491 – ок. 574-578) уточняются до сих пор²⁸. Ф.А.Терновский не приводит сколько-нибудь ценных отрывков из хроники византийского автора и своих комментариев к ним, которые бы отражали отношение Иоанна Малалы к деятельности Юстиниана. Исключением является лишь описание хронистом внешности императора. Между тем, по собственному признанию Ф.А.Терновского, «многие события византийской истории могли быть понятны и хорошо усваиваемы русскими читателями уже потому, что находили себе аналогию в русской жизни»²⁹. Едва ли в богатой деятельности Юстиниана, описанной Малалой, не нашлось ничего, что могло стать яркой аналогией с русской жизнью и одновременно заставить Ф.А.Терновского с научной скупулённостью прокомментировать её.

Иной подход демонстрировал киевский учёный при разборе описания правления Юстиниана другим византийским хронистом, Георгием Амартолом. Страницы докторской диссертации Ф.А.Терновского буквально пестрят обширными отрывками из хроники Амартола, в которых воздаётся дань уважения императору за строительство храма Св. Софии, издание новых законов, даже улучшение нравственности подданных, но в то же время отмечается путаница, умышленно внесённая императором в празднование Пасхи 546 г. с целью наживы от доходов торговцев скоромной пищей, несправедливые гонения на про-

²⁷ Там же. С.4.

²⁸ Brooks E.W. The Date of the Historian John Malala // The English Historical Review. 1892. Vol. 7. P.291-301; The Chronicle of John Malalas / A Transl. by E. Jeffreys, M. Jeffreys, R. Scott with alii. Melbourne: Australian Association for Byzantine Studies, 1986; Творогов О.В. Хроника Иоанна Малалы // Словарь книжников и книжности Древней Руси / Отв. ред. Д.С. Лихачёв. Л.: Наука, 1987. Вып. I. С.471-474.

²⁹ Там же. С.7.

славленного полководца Велизария и т.д.³⁰ Таким образом, задолго до казанского византиниста С.П.Шестакова, одним из первых отечественных исследователей обративших особое внимание на этот источник³¹, киевский историк стал разрабатывать его. Похвально, что не поддавшись трафаретному мнению, он не отнесся к нему как к интересному лишь для 813-843 гг. и малоинформативному, невыразительному для более раннего времени. Однако, приводя столь обширные выдержки из хроники Амартала, в том числе отмечая редкие факты, которые раньше историки не удостоивал обходить вниманием, Ф.А.Терновский практически не комментирует их и тем более не подвергает анализу. Кроме того, по непонятным причинам он обошел богатые данные о VI в. таких столпов византийской истории как, Прокопий Кесарийский и Феофан Исповедник. Такой подход учёного вызывает тем большее недоумение, что деятельность многих ромейских императоров, менее известных, чем Юстиниан, получила его подробнейшую научную оценку.

То, что отсутствовало в докторской диссертации Ф.А.Терновского, исследователи его вклада в «юстиниаду» найдут в сочинении «Грековосточная церковь в период вселенских соборов». И хотя раздел сочинения, посвящённый царствованию Юстиниана, киевский учёный сразу начал с ошибки (типографской опечатки?) в датировке царствования императора (год смерти Юстиниана фигурирует как 595 вместо 565), тем не менее, по обширности приведённых фактов из жизни правителя Византии и их оценок, данный труд может считаться одним из самых подробных, глубоких из посвящённых ему в украинских землях в рассматриваемый период.

Лейтмотивом всех оценок Ф.А.Терновского стало его утверждение о том, что «...и частная жизнь, и правительственная деятельность Юстиниана неотделимы от жизни его жены Феодоры, и поэтому только сравнительная характеристика царствования супругов может дать нам ключ к уразумению длинного и сложного царствования Юстиниана»³². Сама сравнительная характеристика, представленная автором, была явно не в пользу императора. Она отводила ему роль тихого, невоинственного ведомого рядом с «сильной и благородной нату-

³⁰ Там же. С.69-74.

³¹ Шестаков С.П. О происхождении и составе хроники Георгия Монаха (Амартала). Казань, 1891; Творогов О.В. Хроника Георгия Амартала // Словарь книжников и книжности Древней Руси / Отв. ред. Д.С. Лихачёв. Л., 1987. Вып. I. С.467-470.

³² Терновский Ф.А. Грековосточная церковь в период вселенских соборов (Чтения по церковной истории Византии от императора Константина Великого до императрицы Феодоры (312-842). К., 1883. С.265.

рой Феодоры». Распутное прошлое Феодоры и её происхождение, в равной степени посягающие на оценку «благородная», мало смущали автора. «Скоро Феодора имела случай блистательно оправдать выбор своего супруга и доказать, что её личные средства стоят в уровне с высотой её положения!» – указывал Ф.А.Терновский³³. В данном случае автор имел в виду восстание «Ника!», или, по его определению, «страшный бунт, начавшийся на ипподроме». Впрочем, Ф.А.Терновский не продемонстрировал сколько-нибудь оригинального подхода в своей оценке этого события. Признав бунт «народным», учёный не затруднил себя поиском его истоков и движущих сил. «Трудно понять, с чего началось дело и чего именно хотели бунтовщики, не умевшие ясно формулировать своих желаний, – полагал Ф.А.Терновский. – Кажется, дело шло о перемене династии, ибо бунтовщики провозгласили императором Ипатия»³⁴. Таким образом, киевский учёный, обозначив проблему, обошёл полным молчанием и борьбу цирковых партий, и их влияние в политической жизни страны, и в целом причины восстания, разные для разных группировок³⁵.

Отметив, что «подавление восстания усилило власть Юстиниана», Ф.А.Терновский с прежней настойчивостью отводил императору и императрице уже известные нам политические роли: «Но и во всё остальное время своей жизни Феодора была не столько женой Юстиниана, сколько главной движущей силой во всех делах его политики»³⁶. Более того, по сути отказывая Юстиниану в недюжинных личных политических талантах и, напротив, гипертрофируя государственный вклад августы, Ф.А.Терновский установил своеобразную периодизацию его правления. Если за время совместной жизни супругов были совершены все блестящие дела его царствования, то, по автору, вторая половина этого царствования, наступившая уже после Феодоры, «ознаменована рядом величайших неудач и полным расстройством империи»³⁷. Смерть как бы сняла с августы ответственность за содеянное в предыдущие годы, что было несправедливо, поскольку, правя вместе и дальше, они все равно не смогли бы предусмотреть ни новые вспышки эпидемии чумы и ее страшные демографические и экономические последствия, ни неожиданно ожесточенное сопротивление готов, ни многое другое.

³³ Там же. С. 268.

³⁴ Там же.

³⁵ Удальцова З.В. Византийская культура... С.31-32.

³⁶ Терновский Ф.А. Грековосточная церковь в период вселенских соборов... С. 269.

³⁷ Там же. С. 270.

В своём стремлении задвинуть Юстиниана в тень его царственной супруги киевский историк доходит иногда до очевидных крайностей и противоречий. С одной стороны, по словам автора, «императрице принадлежала инициатива; императору – внешняя представительность и распоряжение на счёт подробностей»; «...и знаменитое умение выбирать государственных людей, и славу важнейших дел Юстинианова царствования (*corpus juris*, завоевание Африки и Италии, построение Софии), мы должны приписать не столько Юстиниану, сколько Феодоре»³⁸. Но с другой стороны, тот же Ф.А.Терновский делает ниже высказывание, которое если и не противоречит подобным оценкам, то, по крайней мере, посягает на их нерушимость. Вступив на престол в 40-летнем возрасте, подчёркивал автор, Юстиниан уже имел общую программу царствования. Она состояла «в восстановлении древней римской империи, в объединении всех стран, облежавших Средиземное море...»³⁹. И хотя далее Ф.А.Терновский без тени малейшего сомнения отмечал, что «широкие размеры этой программы» установил «смелый дух Феодоры»⁴⁰, для читателей данного сочинения было совершенно очевидно, что двор дяди – Юстина I – с его великодержавными понятиями *Imperium Christianum* едва ли оказал меньшее влияние на формирование политических взглядов Юстиниана, чем его жена.

Сочинение Ф.А.Терновского, как явствовало из его названия, предполагало исследование истории грековосточной церкви. С этой точки зрения раздел, посвящённый Юстиниану, не вполне соответствовал по своему содержанию заглавию труда. Политическая история явно преобладала здесь над церковной. Правда, Ф.А.Терновский пытался подчеркнуть «религиозный характер анти-вандальской экспедиции» в Северную Африку, однако аргументация автором данной точки зрения представляется недостаточной; он лишь констатировал, что вдохновителем похода стал епископ, пришедший с востока (имени его не упоминается), а флот Велизария был «напутствован молебствием» и окроплён святой водой⁴¹. Едва ли подобные доказательства религиозного характера военного похода могут считаться убедительными.

В то же время определённый интерес для исследователей церковной политики императора может представлять предложенная Ф.А.Терновским дефиниция «цезарео-папство» Юстиниана. Данная дефиниция получила достаточно развёрнутое объяснение учёного. «Император Юстиниан был самым крупным представителем того отношения государства к церкви, которое известно под

³⁸ Там же. С.270

³⁹ Там же. С. 271.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же. С. 273.

характерным именем цезарио-папства», – указывал Ф.А.Терновский, выделяя три его наиболее характерные черты: 1) «Божественное происхождение императорской власти» и «проистекающая отсюда для всех подданных обязанность безусловного повиновения самодержцу»; 2) Активное вмешательство государства в дела Церкви; 3) «Установление вероисповедного единства между всеми подданными империи»⁴². Но, констатируя, например, основные положения третьего пункта, что, априори, предполагало наличие в государстве острейших религиозных противоречий, Ф.А.Терновский не представил достаточного объяснения сути этих противоречий. Автор обращал своё основное внимание на отношение Юстиниана к официальной Церкви, которая признала его «внешним епископом», а не к различным религиозным сектам и ересям.

В этой части своих рассуждений Ф.А.Терновский верно указывал прежде всего на расширение прежних привилегий епископов, на бурное храмостроительство и церковную политику в завоёванной Италии, в результате которой она действительно поставила римского папу «...почти в такие же подчинённые отношения к византийскому императору, в каких были другие восточные иерархи»⁴³. Однако даже этот перечень главных приоритетов церковной политики Юстиниана рождает естественный вопрос: не взаимоисключают ли друг друга вышеуказанные утверждения автора о подчинении всех церковных иерархов императору, с одной стороны, и, с другой, расширении епископальных привилегий?

Недочёты сочинения Ф.А.Терновского, как и его достоинства, целиком очевидны. И не было бы необходимости столь подробно касаться их сто с лишним лет спустя после публикации его труда, если бы не одно обстоятельство. Выход в свет данного сочинения (1883 г.) совпал с началом контрреформ в Российской империи, поводом к которым стало цареубийство Александра II. Страна похоронила тогда вместе с убиенным императором не только конституционные иллюзии, но и вузовскую автономию, уничтоженную консервативным университетским Уставом 1884 г. По признанию С.Г.Сватикова, при введении Устава предполагалось уволить 16 неблагонадёжных профессоров⁴⁴. Политические распри, естественно, переплетались и с чисто научными. По словам В. Иконникова, посвятившего биографии Ф.А.Терновского небольшую статью, его служба в Киевской духовной академии продолжалась до октября 1883 г., «когда он вышел из неё по прошению, вследствие признания в его труде по истории восточной церкви склонности к мнениям и выводам протестантских ис-

⁴² Там же. С.282-283.

⁴³ Там же. С.275, 284-286.

ториков»⁴⁵. Делом автора «антиправославной книги» занимался лично оберпрокурор Синода К.П.Победоносцев⁴⁶. Не сумел защитить Ф.А.Терновского от опалы даже его друг, известный писатель Н.С.Лесков. «Оба мы были одинаково и одновременно оклеветаны и вышвырнуты из службы, как люди «несомненно вредного направления», – указывал Н.С.Лесков в письме к сыну, однозначно считая, что эта история «стёрла с земли» Ф.А.Терновского – «несчастливого мученика ума и справедливости»⁴⁷. Таким образом, содержание вышераассмотренной книги стало двойным приговором Ф.А.Терновскому: вынужденный оставить в 1883 г. преподавание, он в следующем 1884 г. умер. Однако лаконичная запись в его «Послужном списке» – «Вдов с июня 1883 г.»⁴⁸, возможно, даст куда более правдоподобное объяснение его личной трагедии, чем обвинение в «неправославности», банальные академические распри и научные оценки его последнего труда. Между тем даже почитатель творчества Ф.А.Терновского, М.П.Истомин в юбилейной статье, посвящённой 25-летию его смерти, наряду с признанием огромного вклада почившего в изучение истории раннесредневековой византийской Церкви, был вынужден признать: «Выдвигая на первый план крупных исторических деятелей, Терновский как бы несколько затеняет общий и главный фон исторической перспективы»⁴⁹. В нашем же случае его «затеняет» не столько Юстиниан, сколько его царственная жена.

Непосредственно истории правления Юстиниана касался в своём многогранном творчестве профессор кафедры всеобщей истории Харьковского университета В.К. Надлер, оригинальный исследователь с многообразными интересами, редкостный эрудит, прекрасный лектор, одинаково уверенно чувствовавший себя и в общении с ромейскими материалами VI в., и историей России начала XIX в. Его перу принадлежит достаточно объёмная работа «Юстиниан и партии цирка в Византии» (1876 г.), надолго ставшая хрестоматийной по этой проблематике. Очерк появился уже после того, как европейская византистика обогатилась первой специальной работой по данной теме, написанной швей-

⁴⁴ Святиков С.Г. Опальная профессура 80-х годов // Голос минувшего. 1917. №2. С.8.

⁴⁵ Иконников В. К биографии профессора Ф.А. Терновского (Эпизод из истории русской цензуры). Б.м., б.г. С.3; ср.: Файда О.В. Византистика в Київській Духовній Академії в 1819-1919 рр.: Автореф. дис. ... канд. истор. наук / Львівський нац. ун-т ім. І. Франка. Львів, 2006. С.11.

⁴⁶ Институт рукописей Национальной библиотеки Украины им. В. Вернадского. Ф. 160. Ед. хр. 943. Л.5.

⁴⁷ Там же. Ф. 160. Ед. хр. 17351. Л.4.

⁴⁸ Там же. Ф. 175. Ед. хр. 2167. Л.2.

⁴⁹ Истомин М.П. Памяти профессора Ф.А.Терновского (По поводу 25-летия со времени его смерти). К., 1911. С.10.

царским учёным В.А.Шмидтом⁵⁰. По этой причине В.К.Надлер не мог игнорировать её основные выводы. В то же время, работа харьковского историка вряд ли может считаться настолько компилятивной, насколько считала её таковой А.А.Чекалова, отмечавшая, однако, что В.К.Надлер глубже своего предшественника разобрался в причинах восстания Ника⁵¹. Дискуссия о влиянии на В.К.Надлера крупнейших работ по западноевропейской медиевистике без сомнения выиграла бы, если бы перед фамилией В.А.Шмидта была поставлена фамилия уже упоминавшегося выше Д.Финлея. Вполне очевидно, что это его концепция, отвергавшая утверждения историков Просвещения и Э.Гиббона о тысячелетнем упадке Византии, задавала тон всему очерку В.К.Надлера. Влияние Д.Финлея объясняет многие утверждения и выводы харьковского историка, которые, без сомнения, могут считаться вполне передовыми и прогрессивными в тогдашней отечественной византинистике.

«Одним из замечательнейших феноменов всемирной истории» называет В.К.Надлер Византийскую империю уже на первой странице своего труда и берётся оспаривать распространённую на Западе концепцию о византизме как «китаизме на европейской почве», «тысячелетней агонии разлагающегося общества», деспотизме в самой уродливой его форме и т.д.⁵² Автор считал весьма ограниченными попытки большинства представителей западной науки объяснить долгую историю Византии «причинами чисто внешнего свойства»: выгодами географического положения, отличными укреплениями самого Константинополя, мирным характером ближайших соседей Византии – славян. Причину уникальной живучести Византии, – то главное, на что советуют обратить внимание современные византилисты⁵³, – он прозорливо предлагал искать не во внешних, а во внутренних факторах. И вряд ли только верноподданическими настроениями консерватора и монархиста В.К.Надлера можно объяснить его последующую глубоко научную аргументацию.

Важнейшими институтами, ограничивающими императорский произвол, В.К. Надлер считал церковь, монашество, армию и партии цирка. Он оспаривал распространённую в западном византиноведении точку зрения о декоративном характере и ничтожном влиянии цирковых группировок, противоречия между

⁵⁰ Schmidt W.A. Der Aufstand in Konstantinopel unter Kaiser Justinian. Zürich, 1854.

⁵¹ Чекалова А.А. Константинополь в VI в. Восстание Ника. СПб., 1997. С. 8.

⁵² Надлер В.К. Юстиниан и партии цирка в Византии. Харьков, 1876. С.1.

⁵³ Литаврин Г.Г. Византия и славяне. СПб., 1999; Сорочан С.Б. Византия IV – IX веков: этюды рынка. 2-е изд., испр. и доп. Харьков, 2001.

которыми объяснялись лишь психологией игры⁵⁴. В современной британской византистике, например, эти идеи до сих пор разделяет А.Камерон. Выше подчёркивалось, что А.Камерон считает цирковые димы не партиями как таковыми, а лишь своеобразными клубами спортивных фанатов⁵⁵, которые не могли влиять на политическую жизнь империи⁵⁶. В.К.Надлер, напротив, заявлял, что в VI в. они являлись «громадными учреждениями, в которых принимали непосредственное участие десятки тысяч лиц». В этом ему, как и некоторым современным исследователям, виделся своеобразный «глас народа». Доказательная база В.К.Надлера в данном случае строилась на анализе главным образом политических и конфессиональных воззрений членов ипподромных партий; учитывался территориальный принцип формирования (кварталы, гетонии, амфоды), но не учитывался или учитывался в незначительной степени их социальный состав, – то, на что гораздо позже, во второй трети XX в., обратят внимание признанные «классики проблемы»: Г.Манойлович, А.П.Дьяконов, Сп.Врионис, Ж.Жарри⁵⁷. Общая концепция В.К.Надлера об активном характере институтов, ограничивающих императорскую власть, в том числе факций цирка и димов, вполне логично предполагала такой исследовательский приём, как описание испытания этих институтов на прочность. Для этого автору и понадобилось показать общий характер правления Юстиниана и Феодоры, правления, вызвавшего крупнейшее восстание сенатской аристократии, цирковых группировок и народных масс – «Ника!»

Это правление В.К.Надлер рисовал достаточно чёрными красками. Сокращенному из противоречий, подверженному внешнему влиянию, ограниченному дарованиями, но не амбициями Юстиниану учёный противопоставлял жизненный опыт, знание людей, властность, стойкость, жадность и глубокий ум его жены Феодоры. Именно её влиянием, а также влиянием другого творца его правительственной системы – с виду столь покорного, послушного квестора Трибониана, автор объяснял принятие Юстинианом самых непопулярных ре-

⁵⁴ Надлер В.К. Юстиниан и партии цирка в Византии... С. 12. Ср.: Rambaut A. Grec au deuxième siècle. Constantin Porphyrogénète. Paris, 1870. P. 23, 25.

⁵⁵ Cameron A. Circus Factions. Blues and Greens at Rome and Byzantium. Oxford, 1976. P. 1-2; Cameron A. Circus Factions and Religious Parties: A Rejoinder // Byzantion. 1980. T. 50. P. 336-337.

⁵⁶ Арnaudов В. Vox populi! Византийската демокрация // Civitas Divino-Humana. В чест на професор Георги Бакалов. София, 2004. С. 198-199.

⁵⁷ Manajlovic G. Le peuple du Constantinople... P. 617-716; Дьяконов А.П. Византийские димы и факции (та мер) в V-VII вв. // Византийский сборник. М.; Л., 1945. С. 144-217; Vryonis Sp. Byzantine DHMOKRATIA... P. 289-314; Jarri J. Heresies et factions dans l'empire Byzantin du IVe au VIIe siècles. Le Caire, 1968.

шений⁵⁸. Тайным противникам царственной четы, оставившим заметки, написанные, по выражению Шарля Диля, «не чернилами, а желчью», исследователь явно доверял больше, чем апологетам. Впрочем, подобные высказывания В.К.Надлера на характер правления Юстиниана I не были оригинальны, даже в отечественной византинистике, и высказывались уже упоминавшимся здесь Р.В.Орбинским⁵⁹.

Рассматривая причины восстания «Ника», В.К.Надлер сумел преодолеть ограниченность своих предшественников и ряда потомков, выдвигавших на первый план династические, конфессиональные требования или личные обиды прасинов на несправедливое отношение к ним Юстиниана⁶⁰, либо вовсе не считавших возможным подробно остановиться на характеристике этих причин⁶¹. В.К. Надлер не только выделял финансовую политику Юстиниана как важнейшую причину восстания⁶², чем предвосхитил трактовки Ф.И.Успенского и Э.Штейна⁶³, но и демонстрировал в данном случае широкий комплексный подход, свойственный и концепции А.А. Чекаловой. Выдвинутые ею причины: экономические, социальные, политические, религиозные⁶⁴, фигурировали и в очерке В.К.Надлера. Несколько иной была лишь последовательность изложения этих причин, особых для каждой из группировок, но не их важность; – такой подход вполне отражал влияние новой позитивистской методологии на отечественную византинистику, вступавшую в период своего расцвета. Поразительно, но наиболее проникательные позднейшие историки шли по тому же пути, хотя не всегда можно понять, насколько они были знакомы со взглядами указанных предшественников.

Таким образом, подводя итог изучения учёными украинских земель Российской империи в 1804-1885 гг. истории правления Юстиниана, следует отметить, что работы, в которых в той или иной степени освещалась данная тематика, создавались здесь практически в течение всего рассматриваемого периода. Столь популярная концепция «просвещённого абсолютизма», доктрина «самодержавие – православие – народность», славянофильские и западнические воззрения о непризнании или признании общности исторического развития вос-

⁵⁸ Надлер В.К. Юстиниан и партии цирка... С. 39, 43, 46-48.

⁵⁹ Орбинский Р.В. Византийские женщины. С.175-176.

⁶⁰ Schmidt W.A. Der Aufstand in Konstantinopel unter Kaiser Justinian. Zürich, 1854. ? 24-26; Diehl Ch. Justinien et la civilisation byzantine au VI-e siècle. Paris, 1901. P. 465-473.

⁶¹ Bury J.B. The Nika Riot // Journal of Hellenic Studies. 1897. Vol.17.

⁶² Надлер В.К. Юстиниан и партии цирка... С. 50-51.

⁶³ Успенский Ф.И. История Византийской империи. СПб. 1912. Т.1. С. 499-500; Schtein E. Histoire du Bas-Empire. Paris, Bruxelles, Amsterdam, 1949. Vol.2. P. 441-449.

⁶⁴ Чекалова А.А. Константинополь в VI в... С. 282.

точнохристианских и западнохристианских государств – все эти тенденции общественной мысли России XIX в. оказывали существенное воздействие на формирование научного интереса к личности Юстиниана I и его эпохе. Противоположные друг другу западные концепции Э.Гиббона и Д.Финля так же оказывали влияние на творчество отечественных византиноведов. Столь же противоположными выглядели зачастую и оценки царствования Юстиниана в их трудах: признавая обширность политической программы императора и укрепление им центральной власти, учёные, как правило, отказывали ему в решительности, энергии, воле и склонны были объяснять успехи первого периода этого царствования влиянием дальновидной императрицы Феодоры. Тем не менее, важно подчеркнуть, что в отличие от многих современных историков, они вскоре отказались от поисков его «виновности», не стремились только порицать. Результаты деятельности императора Юстиниана получили свою оценку в курсах лекций, научно-популярных изданиях, историко-юридических сочинениях, актовых речах, монографической научной литературе. В рассматриваемый период наибольший вклад в изучение истории правления Юстиниана внесли Р.В.Орбинский (общая, преимущественно нравственная, оценка царствования Юстиниана и Феодоры сквозь призму гендерных проблем), Ф.А.Терновский (изучение религиозно-политических мероприятий императора в контексте истории византийской церкви), В.К.Надлер (деятельность общественных партий ипподрома при Юстиниане и их роль в политической жизни страны). Данные исследования были частью общероссийской византистики и в целом отражали высокий научный потенциал её развития.

